

И. Е. АНДРОНОВ

РОЛЬ “МАГДЕБУРГСКИХ ЦЕНТУРИЙ” В ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVI ВЕКА НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рец. на книгу Bollbuck H. Wahrheitszeugnis, Gottes Auftrag und Zeitkritik. Die Kirchengeschichte des Magdeburger Zenturien und ihre Arbeitstechniken. Wiesbaden: Harrassowitz, 2014. 821 S.

Ключевые слова: “Магдебургские центурии”, церковная история, источниковедческая критика, проблема авторства, лютеранская историография.

В церковной историографии XVI в. особую роль сыграла вышедшая в 1559–74 гг. 13-томная «Церковная история», написанная авторским коллективом по замыслу и под руководством Матиаса Флация Иллирика и известная под названием «Магдебургских центурий»¹. Эта публикация была беспрецедентной по масштабу и разнообразию проблематики, а также по затраченным средствам и усилиям. Фактически она способствовала переводу межконфессиональной полемики в историко-церковное русло, что, помимо прочего, дало мощный толчок росту профессионализма историков и запустило процесс научной революции в этой области знаний. Разумеется, сочинения по историографии в последующие эпохи не могли обойти этот труд молчанием.

Долгое время «Центурии» оставались ориентиром для лютеранского лагеря, первым выражением протестантской историко-церковной концепции. Объектом интереса историков этот текст стал только после утраты политической актуальности в результате бурь конца XVIII в. Уже в некоторых работах начала XIX в. «Центурии» были инкорпорированы в ряд обзоров церковной историографии – важнейшим из них стала книга Ф.Х. Баура²; фактически в ней был дан старт изучению «Центурий» как элемента развития исторической науки в XVI в. Изучение «Магдебургских центурий» на первых порах было неотделимо от

---

¹ По названию первого тома: Ecclesiastica Historia, integram ecclesiae Christi ideam quantum ad locum, propagationem, persecutionem, tranquillitatem, doctrinam, haereses, ceremonias, gubernationem, schismata, synodos, personas, miracula, martyria, religiones extra ecclesiam et statum Imperii politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex vetustissimis et optimis historicis, patribus et aliis scriptoribus congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica. 13 vv. Basileae, Oporinus, 1559-74.

² Baur 1852.

биографии их главного идеолога и руководителя проекта на первом этапе – Матиаса Флация. Уже через несколько лет после исследования Баура вышла книга В. Прегера³, до сих пор не утратившая научного значения. За ней последовала волна публикаций документов о замысле и процессе работы над «Центуриями», снабдившая историков необходимой базой для более широкого изучения, но долгое время интерес к Флацию и его историческому наследию преобразовывался либо в посвященные мелким вопросам работы небольшого масштаба, либо в разделы в солидных общих работах (Нигг, Мейнхольд, Србик и др.⁴). Таким образом, тема никогда не исчезала с научного горизонта, хотя глубоко не разрабатывалась. Исключением можно считать фундаментальную работу П. Польмана⁵, а также выделяющееся своей фундированностью исследование из «противоположного лагеря» – книгу о противодействии «Центуриям» с католической стороны⁶. Гораздо меньше повезло «Центуриям» в России – посвященных им специальных работ пока нет, а краткие сведения о них встречались почти исключительно в энциклопедиях и учебниках по историографии. Отметим в начале XX в. главу в книге А.П. Лебедева, а в начале XXI-го – статьи в «Энциклопедии Возрождения», написанные А.В. Дорониным⁷.

Интерес к «Центуриям» вновь вырос в 1960-е гг. и более не угасал. Посвященная «Центуриям» библиография насчитывает сотни работ⁸. Новая волна работ, появившихся уже в XXI в., снова оттолкнулась от «Центурий» с тем, чтобы впоследствии захватывать все более широкий круг тем. Они освещают такие аспекты, как принципы подборки источников по отдельным эпохам (Норелли, Хартманн), место «Центурий» в развитии методологии исторического исследования в XVI в. (Баккус), отношения между «Центуриями» и ортодоксальным лютеранством (Полих), методы переработки добытого из источников материала (Менцель-Рейтерс)⁹. Каждая из приведенных книг является глубоким исследованием, отличающимся широким охватом проблем, великолепной языковой и специальной эрудицией авторов, междисциплинарным под-

---

³ Preger 1859-61.

⁴ Nigg 1934; Srbik 1950; Meinhold 1967.

⁵ Polman 1932.

⁶ De Orella y Unzue 1976.

⁷ Лебедев 1903 (явно вторичный текст по отношению к Бауру и некоторым другим немецким изданиям); Доронин 2011. Т. 2. С. 149-151, 440-441.

⁸ Благодаря Х. Болбуку мы располагаем наиболее полным библиографическим списком по «Центуриям», насчитывающим более 500 текстов: S. 722-798.

⁹ Norelli 2001; Hartmann 2001; Backus 2003; Pohlig 2007; Mentzel-Reuters 2008.

ходом. Сложившаяся картина поражает своей детальной проработанностью и разнообразием научной проблематики, затрагивающей «Магдебургские центурии» или лишь отталкивающейся от них. Что же можно было добавить ко столь впечатляющей картине?

Ответ на этот вопрос был дан в 2014 г., когда вышли в свет книги Луки Илича¹⁰ и Харальда Болбука. Два фундаментальных исследования достойно продолжают традицию изучения данной темы. Прежде всего, они продолжают линию на пересмотр роли истории в творчестве Флация и роли «Центурий» в «истории книг» в более широком, выходящем за пределы лютеранской историографии смысле.

Интерес к данной теме Х. Болбука был воплощён в многолетнюю и масштабную работу по электронной публикации документов о «Магдебургских центуриях» на базе Библиотеки герцога Августа (Вольфенбюттель, Германия). Эта публикация (в ее подготовке приняли участие также К. Нарендорф и И.-Х. Ралле) включила в себя оцифрованные копии более чем полутора сотен документов, их расшифровку, библиографический и справочный материал¹¹. Были изучены коллекции вольфенбюттельской библиотеки, хранилищ Лондона, Вены, Лейдена, Базеля и других европейских городов. Публикация не только служит примером сохранения общеевропейского культурного наследия, но и представляет собой превосходный исследовательский инструмент. Благодаря ей вскоре, несменно, появятся новые труды ученых, посвященные «Магдебургским центуриям» и связанным с ними проблемам.

После завершения работы над коллекцией документов Х. Болбук выпустил монографическое исследование¹². По его заглавию можно было бы заключить, что речь в книге пойдет об исторической концепции и методологии «Центурий», однако реальное содержание книги значительно шире. Фактически, перед нами – пять отдельных исследований, посвящённых соответственно предыстории «Центурий», организации работы авторского коллектива в историческом и логическом плане, практике их работы и взаимодействию с кругом европейских интеллектуалов, строению «Центурий» и проблемам авторства, а также проблемам положения авторов в лютеранской интеллектуальной среде. Такая структура книги подразумевает вовлечение в исследование огромного количества документов и других материалов, углублённое исследование текста «Центурий» и ряда других произведений церков-

---

¹⁰ Ilić 2014.

¹¹ <http://diglib.hab.de/wdb.php?dir=edoc/ed000086>

¹² Bollbuck 2014.

ной историографии XVI века. На этом пути автор сделал множество интересных открытий и продемонстрировал глубину, скрупулёзность и широкий исследовательский кругозор. Очевидным достоинством подхода Х. Болбука является отказ от центрированности на фигуре Матиаса Флация Иллирика. Конечно, ему отведено должное место в тщательно реконструированной картине работы авторского коллектива, однако немецкому историку удалось избежать распространенного в историографии XX века отождествления достоинств и недостатков «Центурий» с личными или профессиональными качествами Флация.

Первое исследование Болбука посвящено, как он указывает сам, «предыстории Центурий». В ней особый интерес представляет попытка восстановить не только условия, способствовавшие появлению уникального замысла, но и отдельные крупные события как необходимые для этого «ментальные рамки». Историки уже отмечали особый интеллектуальный микроклимат в Магдебурге – «Канцелярии Господа»¹³. Болбук оттеняет роль компромисса с католиками (так называемого Аугсбургского Интерима 1548 г.) и последовавшего спора вокруг него как в формировании этого микроклимата, так и в зарождении характерной для него концепции «свидетелей истины» - важного этапа на пути складывания лютеранского видения истории. Одновременно исследуется процесс выдвигания на первый план истории Церкви как научной дисциплины, инструмента в полемике против католиков и воздействия на паству («метафоры»). В сложном взаимодействии факторов появляется идея представить всю церковную историю как череду праведников, несших идею Истинной Церкви сквозь века узурпаций, порчи и разврата. Постепенно концепция обретает стройность и цельность: этот процесс реконструирован по переписке Флация с Меланхтоном и некоторыми другими лютеранскими учеными. В ходе работ над «Центуриями» Флаций публикует «Каталог свидетелей истины» – самостоятельное сочинение с оригинальной концепцией. Мы встречали различные оценки этого текста – как сугубо подготовительного для концепции «Центурий» сочинения, как своего рода «рекламы» будущего еще более крупного труда, наконец, как не связанного с «Центуриями» идейно текста, критика которого помогла Флацию найти оптимальные решения в работе над главной книгой. Болбук избегает упрощения реальности и не желает в оценке «Каталога» ограничиваться рассуждениями о преемственности между ним и «Центуриями»; получающаяся картина сложна, многофакторна, замечательна по точности реконструкции и вниманию к

---

¹³ Kaufmann 2003.

красноречивым деталям. Бесспорное достижение автора является проведение разграничения между тенденцией лютеранского лагеря к историзированию и изучением традиции «свидетелей» (Zeugendiskurs). Обе эти линии сходятся в ранней лютеранской историографии как её важнейшие составляющие. Этот концептуальный вывод ценен, помимо прочего, ещё и тем, что он делает шаг за пределы бесплодного вопроса о том, является ли «Каталог свидетелей истины» промежуточным этапом подготовки «Магдебургских цензур» или же его следует рассматривать как самостоятельное историческое произведение.

Отдельного исследования удостоились проблемы организации и функционирования авторского коллектива «Цензур». Это сочинение было написано оригинальным способом, в котором были задействованы десятки работников. На начальном этапе существовала разветвленная структура, строгая производственная иерархия, в которой одни участники отвечали за сбор информации по сочинениям, другие – за распределение отдельных элементов («локусов») по темам, третьи – за систематизацию, распределение внутри жестко определенной и одинаковой для всех веков структуре и т. д. Организация авторского коллектива описывалась в литературе десятки раз, интерес к ней возник еще на заре изучения связанных с «Цензурами» тем, в XIX веке, однако до Болбука никто не писал об этом коллективе в диахроническом порядке, с изучением кризисов и выходов из них, разработкой сети «сочувствующих», случайных агентов, критиков и отступников. Однако главная заслуга историка заключается не в этом: он первый взялся за систематическую реконструкцию сети сотрудников, временных или даже разовых помощников, «сочувствующих», случайных спонсоров за пределами формального авторского коллектива, Магдебурга и даже Германии. Правдоподобную картину при этом подходе оказалось возможным получить, лишь опираясь на огромный круг источников, в первую очередь – эпистолярных.

X. Болбук подробно исследует обстоятельства работы над «Цензурами». Ещё в процессе написания «Цензур» противники проекта запустили слух о том, что Флаций и его люди варварски относятся к книжным богатствам, попадающим к ним в руки: вырезают из источников нужные фрагменты, вырывают страницы или попросту воруют книги. Родилось даже выражение *culter flacianus* – «нож Флация», уничтожающий ценности ради победы в споре. Многие историки XIX–XXI столетий от Прегера до Олсона занимались оправданием честного имени Флация. Болбук и в этом пошел дальше предшественников: собранный им материал позволил реконструировать командировки участников

проекта в различные книжные собрания Европы. Помимо членов авторского коллектива, сбором материала занимались единомышленники и друзья Флация. Самым высокопоставленным среди них был Каспар Нидбрук – дипломатический представитель императора Карла и руководитель библиотеки будущего императора Максимилиана. Нидбрук и некоторые другие добровольные помощники находились у истоков самого замысла «Центурий», обсуждали с Флацием концептуальные проблемы, вносили ценные предложения. Помимо них, существовала ещё масса помощников, выполнявших отдельные поручения, как например, розыск того или иного источника или обработка отдельного книжного собрания. Иногда это были даже случайные люди – купцы, члены дипломатических миссий, ученые; по мере возможностей прочерчены маршруты отдельных сборщиков информации, агентов, устанавливавших связи для последующей переписки, скупщиков книг... Суммарная картина значительно превосходит ранее известные историкам и по размаху, и по тщательности проработки отдельных сюжетов.

Задача анализа «Магдебургских центурий» решена Болбуком при помощи традиционного подхода через исследование техники «общих мест» (локусов) и методов источниковедческой критики. Эта работа дала, в целом, ожидаемые результаты; историку удалось добавить ряд принципиально новых положений (например, рассмотрение «Центурий» в ключе лютеровской топики, изучение аргументативной логики). Интересным представляется анализ использования авторитета цитируемых авторами «Центурий» церковных писателей. Особую актуальность результаты этого анализа приобретают при изучении подходов к использованию наследия Патристики. Эта тема (ранее ее изучал Э. Норелли, получила у Болбука дальнейшее развитие за счет добавления в картину диахронического подхода и других динамических факторов.

Финальная часть книги посвящена проблеме авторства, взаимоотношений внутри круга историков-лютеран и между последними и их власть предержащими покровителями. Особенно интересен раздел о «Посвящениях», сопровождающих отдельные тома «Центурий». Их особая роль для отношений между историками и меценатами проанализирована на базе классических работ К. Шоттенлоэра и Ж. Женетта¹⁴. Паратексты «Центурий» стали интересным источником, рассказавшим о взаимоотношениях, планах и амбициях руководителей авторского коллектива. Приводятся и следующие из «Посвящений» соображения о восприятии центуриаторами самих себя – интересное и неочевидное

---

¹⁴ Schottenloher 1953; Genette 2001.

следствие восприятия окружающей среды, соратников, покровителей и колеблющихся. Каждый из разделов книги Х. Болбука содержит новые источники, оригинальные проблемы и нестандартные подходы к их решению. Отметим, что из всех паратекстов анализу подверглись только «Посвящения», что может вызвать определенное несогласие.

В заключение хотелось бы отметить некоторые аспекты, которые, на наш взгляд, получили в книге недостаточное освещение, но могли бы быть вполне уместными. Прежде всего, вопросы вызывает постановка проблемы и её деление на составляющие. Предыстория «Центурий» воспринимается, прежде всего, как событие в интеллектуальной жизни Магдебурга («Канцелярии Господа»), одного из основных научных и книгоиздательских центров лютеранского богословия. Вне этой тематики Х. Болбук рассматривает появление замысла «Центурий» в контексте сложных отношений между Флацием и Меланхтоном. Между тем, слабее оказывается освещённой тема уже сложившейся тенденции в области церковной истории: первые сочинения историков-лютеран вышли в начале 1530-х годов и имели большое воздействие на читающую публику, сопровождалась большим спросом, сформировали особый сектор книжного рынка. Подробнее мог бы быть рассмотрен вопрос о достоинствах и недостатках использовавшихся авторами «Центурий» опубликованных источников, включая позднеантичные церковные истории. Очевидно, «Магдебургские центурии» были подготовлены не только непосредственной деятельностью упомянутых в книге персонажей, но и эволюцией церковной историографии общегуманитарных знаний. Последние, в частности, включают в себя развитие логики Второй Схоластики – «локального метода» и некоторых других приёмов и принципов. Болбук упомянул проблему «локального метода» в разделе, посвящённом методам работы над «Центуриями». Этот подход вполне возможен и имеет свои преимущества, однако «жизнь» локального метода вне «Центурий», его возникновение и окончательное оформление в трудах богословов Саламанки (т.е. противоположного центуриаторам лагеря!) осталась несколько в тени. Вообще сравнение некоторых взглядов «Центурий» со взглядами противоборствующего католического лагеря лишь обогатили бы книгу. Возможно, сказалась характерная для германской историографии тенденция не высказываться о мнении противоположных сторон, чтобы избежать обвинений, определения «правых» и «виноватых». Представляется, что автор, будучи свободен от симпатий к тому или другому лагерю в давно ушедшей в прошлое полемике, мог бы не чувствовать себя скованным этой традицией!

Надеемся, что автор продолжит работу над темой «Магдебургских центурий»: объемность и многоплановость этого текста представляют неиссякаемый источник интереса для великолепно подготовленного исследователя. В рамках представляемого труда непосредственно «Центуриям» досталось сравнительно мало внимания. Возможно, этот источник показался автору монолитным, не предлагающим динамики и калейдоскопа мнений. Кроме того, над анализом довлеет лишнее, на наш взгляд, стремление решить вопрос о принадлежности «Центурий» к абстрактному «гуманизму». Вопрос этот представляется неуместным; скорее, следует поместить «Центурии» в контекст «конфессиональной эпохи» и межконфессионального диспута, но, как уже говорилось, Болбук неохотно высказывается о католиках. Жаль: католическая традиция – это не только противник в лютеранской полемике, но и «мостик» в Ренессанс, связующая нить, которую автор ищет в области методологии. Недостаток внимания к биографиям авторов «Центурий» привел к тому, что в книге отсутствует глубокая связь исследуемого произведения с идеями светской историографии Ренессанса, в первую очередь – итальянской. Зарождение замысла можно рассматривать и как результат личной эволюции нескольких основных действующих лиц, и такой подход мог бы обогатить общую концепцию рецензируемой работы.

Впрочем, книга Х. Болбука очень велика по объему, богата материалом, мыслями, источниками, и стремление ее «улучшить» за счет расширения проблематики, возможно, имело бы обратный эффект. На сегодняшний день это исследование представляет собой высшую точку, достигнутую историографией церковной истории XVI века, образец работы, полемизировать с которой – одно удовольствие.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Доронин А.В. Магдебургские Центурии. Флак // Культура Возрождения: энциклопедия. М., 2011. Т. 2.
- Лебедев А.П. Церковная историография в главных её представителях с IV по XX в. СПб., 1903.
- Backus I. Historical Method and Confessional Identity in the Era of the Reformation (1378–1615). Leiden, Boston: Brill, 2003.
- Baur F. Ch. Die Epochen der kirchlichen Geschichtschreibung. Tübingen, 1852.
- Bollbuck H. Wahrheitszeugnis, Gottes Auftrag und Zeitkritik. Die Kirchengeschichte des Magdeburger Zenturien und ihre Arbeitstechniken. Wiesbaden: Harassowitz, 2014. 821 S.
- De Orella y Unzue J.L. Respuestas Catolicas a ls Centurias de Magdeburgo (1559–1588). Madrid, Suarez, 1976.
- Genette G. Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches. Frankfurt, 2001.
- Hartmann M. Humanismus und Kirchenkritik: Matthias Flacius Illyricus als Erforscher des Mittelalters. Stuttgart: Jan Thorbecke, 2001.

- Ilić L. Theologian of Sin and Grace. The Process of Radicalization in the Theology of Matthias Flacius Illyricus. Göttingen; Bristol, USA: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014.
- Kaufmann T. Das Ende der Reformation. Magdeburgs „Herrgotts Kanzlei“ (1548–1551/2). Tübingen, 2003.
- Meinhold P. Geschichte der kirchlichen Historiographie. Bd. 1. Freiburg-München, 1967.
- Mentzel-Reuters A., Hartman M. (Hrsg.) Catalogus und Centurien. Tübingen, Mohr Siebeck, 2008.
- Nigg W. Die Kirchengeschichtsschreibung. Grundzüge ihrer historischen Entwicklung. München 1934.
- Norelli E. The Authority attributed to the Early Church in the Centuries of Magdeburg and in the Ecclesiastical Annals of Caesar Baronius // Backus I. (ed.) The Reception of the Church Fathers in the West. Leiden, Boston: Brill, 2001.
- Pohlig M. Zwischen Gelehrsamkeit und konfessioneller Identitätsstiftung. Tübingen, Mohr Siebeck, 2007.
- Polman P. L'Élément Historique dans la Controverse religieuse du XVIe Siècle. Gembloux, Duculot, 1932.
- Preger W. Matthias Flacius und seine Zeit. 2 Bde., Erlangen 1859–61.
- Schottenloher K. Die Widmungsvorrede im Buch des 16. Jahrhunderts. Münster, 1953.
- Srbik H. von. Geist und Geschichte vom deutschen Humanismus bis zur Gegenwart. Bd. 1, München-Salzburg, 1950.

REFERENCES

- Doronin A.V. Magdeburgskie Tsenturii. Flak // Kul'tura Vozrozhdeniya: entsiklopediya. M., 2011. T. 2.
- Lebedev A.P. Tserkovnaya istoriografiya v glavnykh ee predstavityakh s IV po XX v. SPb., 1903.
- Backus I. Historical Method and Confessional Identity in the Era of the Reformation (1378–1615). Leiden, Boston: Brill, 2003.
- Baur F. Ch. Die Epochen der kirchlichen Geschichtsschreibung. Tübingen, 1852.
- Bollbuck H. Wahrheitszeugnis, Gottes Auftrag und Zeitkritik. Die Kirchengeschichte des Magdeburger Zenturien und ihre Arbeitstechniken. Wiesbaden: Harassowitz, 2014. 821 S.
- De Orella y Unzue J.L. Respuestas Catolicas a ls Centurias de Magdeburgo (1559–1588). Madrid, Suarez, 1976.
- Genette G. Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches. Frankfurt, 2001.
- Hartmann M. Humanismus und Kirchenkritik: Matthias Flacius Illyricus als Erforscher des Mittelalters. Stuttgart: Jan Thorbecke, 2001.
- Ilić L. Theologian of Sin and Grace. The Process of Radicalization in the Theology of Matthias Flacius Illyricus. Göttingen; Bristol, USA: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014.
- Kaufmann T. Das Ende der Reformation. Magdeburgs „Herrgotts Kanzlei“ (1548–1551/2). Tübingen, 2003.
- Meinhold P. Geschichte der kirchlichen Historiographie. Bd. 1. Freiburg-München, 1967.
- Mentzel-Reuters A., Hartman M. (Hrsg.) Catalogus und Centurien. Tübingen, Mohr Siebeck, 2008.
- Nigg W. Die Kirchengeschichtsschreibung. Grundzüge ihrer historischen Entwicklung. München 1934.
- Norelli E. The Authority attributed to the Early Church in the Centuries of Magdeburg and in the Ecclesiastical Annals of Caesar Baronius // Backus I. (ed.) The Reception of the Church Fathers in the West. Leiden, Boston: Brill, 2001.

- Pohlig M. Zwischen Gelehrsamkeit und konfessioneller Identitätsstiftung. Tübingen, Mohr Siebeck, 2007.
- Polman P. L'Élément Historique dans la Controverse religieuse du XVIe Siècle. Gembloux, Duculot, 1932.
- Preger W. Matthias Flacius und seine Zeit. 2 Bde., Erlangen 1859-61.
- Schottenloher K. Die Widmungsvorrede im Buch des 16. Jahrhunderts. Münster, 1953.
- Srbik H. von. Geist und Geschichte vom deutschen Humanismus bis zur Gegenwart. Bd. 1, München-Salzburg, 1950.

Андронов Илья Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент МГУ имени М.В. Ломоносова; orgizomenos@gmail.com.

**The influence of the “Magdeburg Centuries”
on the ecclesiastical historiography of the 16th c.: new studies**

Review of the book: Bolluck H. Wahrheitszeugnis, Gottes Auftrag und Zeitkritik. Die Kirchengeschichte des Magdeburger Zenturien und ihre Arbeitstechniken. Wiesbaden: Harassowitz, 2014. 821 S.

Keywords: “Magdeburg Centuries”, ecclesiastical history, source criticism, authorship, Lutheran historiography/

Ilya Andronov, Ph.D., Associate professor, Moscow State Lomonosov University; orgizomenos@gmail.com.